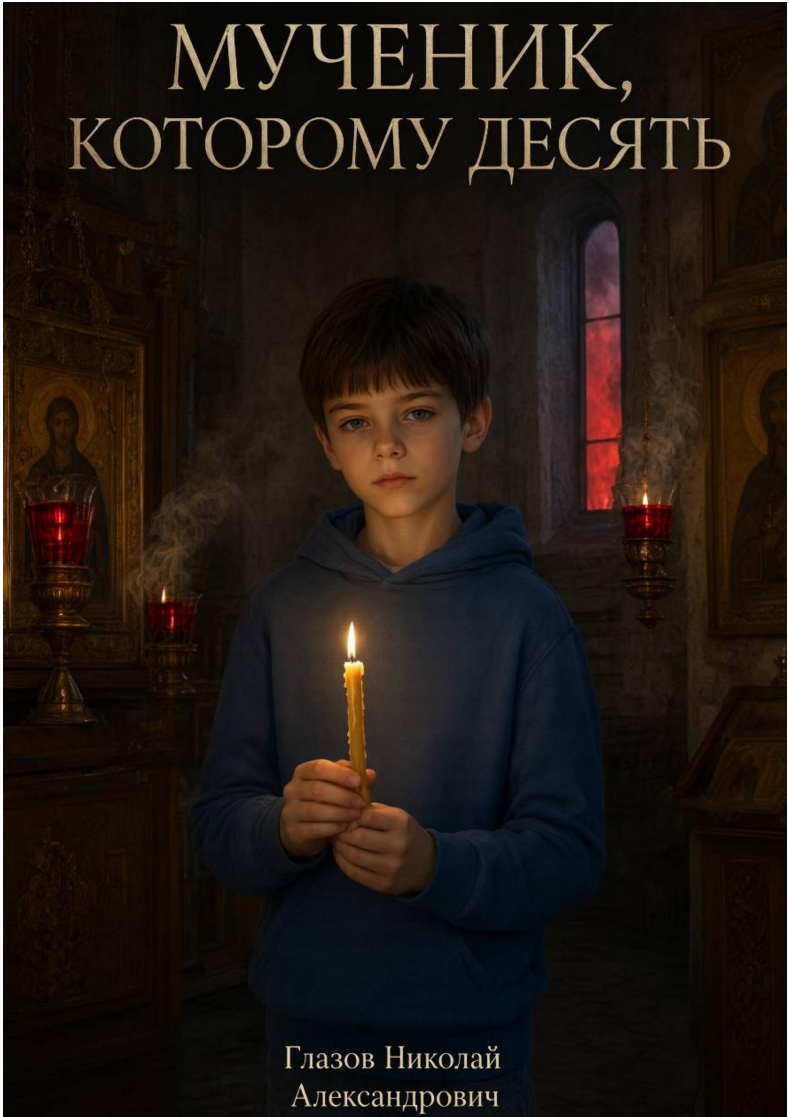
МУЧЕНИК, КОТОРОМУ ДЕСЯТЬ

Глазов Николай
Александрович

Николай Глазов

Мученик, которому десять

https://litres.ru/74817949
SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация для ЛитРес (356 знаков):

Курск под обстрелами. Кирилл, алтарник и учитель, ведёт десятилетнего сына Артёма на литургию — возможно, последнюю. В храм врываются вооружённые люди. Перед лицом смерти отец, сын, священник и захватчик связаны одной болью, одним письмом и одним вопросом: где Бог, когда рушится всё? Повесть о вере, мести и милосердии, о детской прямоте и цене мученичества.

Содержание

Повесть мученик, которому десять	4
Жанр: военная драма, православная проза	5
Пролог	6
Глава первая. По ком звонят колокола	11
Глава вторая. Беда в храме	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Глазов
Мученик, которому десять

Повесть мученик, которому десять

Жанр: военная драма, православная проза

Автор: Глазов Николай Александрович

Пролог

Город Курск давно разучился смотреть в небо. Небо стало слишком большим и слишком пустым — таким, в какое лучше не всматриваться, потому что в любой миг оттуда может сорваться чёрная точка и вырасти до размеров всего мира.

В мутных стёклах домов, в лужах, в тёмных окнах автобусов отражалась теперь только кровавая бездна — то ли заката, то ли зарева, то ли того, что люди боялись называть своим именем. Взрывы и гулы стали привычнее трамвайного звона. По улицам давно ездили танки, и асфальт под их гусеницами вздрагивал так, будто земля пыталась стряхнуть с себя войну. Курские дороги позабыли, что такое мирное время. Они помнили только спешку, тревогу и тяжёлый шаг.

В живых оставалось немало домов — обычные пятиэтажки, с облупившимися балконами, с окнами, заклеенными крест-накрест бумажным скотчем. Люди выживали. Жили не по календарю, а по сиренам: успели — не успели, добежали — не добежали, услышали — не услышали.

В одной из таких пятиэтажек, недалеко от улицы Марата, где красовалась Успенская церковь, жил алтарник и учитель

математики и физики Кирилл Сергеевич. У него рос десятилетний сын Артём. Мальчик был замечательный: добрый, чистый, с той детской простотой, которая в страшные времена кажется почти чудом. Кирилл усыновил его три года назад и, казалось, души в нём не чаял. Супруга Кирилла умерла вскоре после их свадьбы, и с тех пор в доме осталось две тени: одна — его собственного одиночества, другая — тихого, невыплаканного горя. Артём не заменил ему жену. Он стал тем, ради чего Кирилл ещё просыпался утром и учился дышать.

Сейчас Кирилл сидел в своей квартире. Это была хрущёвская двухкомнатная квартира-распашонка. В коридоре сразу виднелись две двери: одна вела в комнату сына, оформленную в виде космоса — с тёмно-синими обоями, наклейками планет и маленьким глобусом на столе, — а другая была комнатой самого Кирилла. В квартире пахло пылью, старыми книгами, вчерашним чаем и едва уловимым запахом ладана, который, казалось, впитался в обои после многих лет воскресных служб.

Кирилл — мужчина статный, лет тридцати пяти. Красивые чёрные локоны, небольшие растрёпанные пряди, красивые жилет, коричневая рубашка и деловые модные джинсы делали из него человека официально-делового, иногда дерзкого, но сейчас эта внешняя собранность казалась лишь мас-

кой. Он сидел на кухне с опущенными глазами и что-то строчил. Глядя в письмо, можно было понять, что это послание его возлюбленной жене. Он писал:

«Дорогая! Ситуация в Курске ужасная. С каждым разом звучит сирена, грохот и стон. Я не знаю, сколько мы ещё продержимся и тем более сколько выживем. Времени у нас крайне мало.

Сын, которого я усыновил, его зовут Тёма. Мальчишка просто замечательный. Тёмные волосики с небольшой красивой чёлкой делают его просто красивым мальчишкой. Красивая синенькая кофточка и штанишки... Его небольшие, даже чуть узенькие глаза, но всё равно русские, делают из него такого красавца, что я, честно, и души в нём не могу чаять. Это замечательный ребёнок, хоть и непослушный. Ой, женушка, сколько он вытворял, ты не представляешь! Бывало, и такое творил: вопреки моему запрету играл в футбол дома, так что окно разбил. Ух, мы с ним и ругались! Выплатил мне долг, договорились с ним. А бывало, после школы и с разбитым носом придёт...

Рассказывать это уж очень долго, моя женушка. Сейчас я переживаю. На нашей земле постоянно враг сеет раздоры, и я боюсь, как бы он в церковь нашу не зашёл — единственную святыню, которая осталась посреди пустыни городской.

Я не знаю, работать становится всё тяжелее. Мне как учителю приходится зарабатывать на хлеб онлайн-подготовкой в школе. Но это не то, чтобы учить детей вживую, сидя за партами. Куда пропали те благие времена? Я уже не знаю...

Честно, женушка моя...»

Тут опять сильно-сильно завыла сирена. Кирилл будто остановился. Ручка, которой он писал, сверкнула, и сильный изгиб пошёл по руке, не дописав письма. В следующую секунду что-то внутри него оборвалось — не мысль, не страх, а древний отцовский инстинкт, который не рассуждает, а бросает тело вперёд. Он метнулся в комнату сына.

Артём сидел за компьютером, освещённый холодным голубым светом экрана, и не сразу понял, что происходит. Кирилл выбежал, открыл дверь, в охапку схватил сына и повалил его на пол, накрыв собой. И не ошибся: грохот бомбы миновал их. Слава Богу.

Сын испуганно спросил:

— Пап, что случилось?

Кирилл молча прижал сына к себе и про себя молился Господу Богу, чтобы Он избавил, помог и исцелил. Как Он

Сам знает и может, но чтобы избавил от этого ада. И как только он помолился, казалось, всё стихло. Обняв сына, отец сказал ему:

— Тёма, мальчик мой, ты знаешь, что творится сейчас в Курске? Что бомбы летают? Надо быть крайне осторожным. И тем более слушаться, когда отец говорит.

Сын нахмурился:

— Пап, ну я всё время тебя слушаюсь! Опять ты за своё... Надоело уже.

Отец помолчал. В его глазах на миг мелькнула не обида, а усталость — глубокая, как колодец. Он провёл ладонью по волосам сына и тихо сказал:

— Извини меня, сынок. Ладно, продолжай играть.

Вышел из комнаты сына, прошёл по кухне. Идя по длинному коридору, в котором тоже виднелись двери — одна в туалет, другая в ванную, — он снова вошёл через арку в кухню и взялся за недописанное письмо. Но рука уже не слушалась. Он сидел и смотрел на строчки, и ему казалось, что каждая буква стала тяжелее камня.

Глава первая. По ком звонят колокола

Ночь прошла не тихо, а глухо.

Где-то далеко ещё ворочался гром, где-то скрипели ставни, где-то плакал ребёнок за стеной. Кирилл сидел, не зажигая верхнего света, и слушал, как в темноте дышит дом. Дом дышал тяжело, с хрипотцой, как старик, которому не хватает воздуха. Батареи остыли. В углах копилась тень, густая, как деготь, и казалось, что она не рассеется даже утром.

Он дописал письмо уже под утро, когда рука совсем онемела, а строчки поплыли перед глазами. Поставил точку — и долго смотрел на неё, будто эта точка была не концом послания, а концом чего-то большего. Потом сложил лист в конверт, заклеил, надписал: «Жене моей. От Кирилла». И тут же подумал: а куда её отправить? На тот свет? На небо?.. Он усмехнулся уголком губ — горько, безрадостно — и положил конверт во внутренний карман куртки, поближе к сердцу. Так письмо и осталось там: мёртвое слово для мёртвой женщины, которое он носил, как носят крестик или пулю.

Уже начали звонить колокола храма. Их звон плыл над пятиэтажками, над парком, над серым асфальтом, и в этом звоне было что-то, от чего хотелось перекреститься и заплакать. Кирилл поднялся, прошёл в свою комнату и, не ложась на кровать, остановился перед Святым углом. Это был небольшой деревянный шкаф, в котором виднелись иконы и книги. Взглянув на икону Христа, он про себя помолился Господу Богу, прося о Его воле и милости. Прося, чтобы на сей день дал им пропитание, чтобы выжить. Прося для себя и для сына своего Царства Небесного, вечной жизни и славы конечной.

Он никогда не думал, что что-то может предвещать беды. Сам же Кирилл, когда молился, всегда имел обычай молиться тихо, медленно, вдумчиво, каждую строку вникая и читая. Казалось, что когда Кирилл Сергеевич молится, то он вживую со Христом разговаривает, будто уже находится в горних жилищах и перед ним уже воочию стоит Христос, внимательно слушая его. Так можно было видеть Кирилла и в храме, когда он молился, и иногда, когда сын к нему заходил, то же самое происходило.

Помолившись, он услышал, как за стеной заворочался сын. Артём уже проснулся, ведь они всегда в воскресенье ходили на службу, и сын уже к этому привык. Войдя в комнату, он сказал:

— Пап, неужели ты ещё не готов?

Кирилл обернулся:

— Ой, Тёма, ты уже проснулся? Ну да, пап. Я думал, мы сейчас в храм пойдём. Пойдём, конечно, сынок, куда ж денемся, — сказал Кирилл. — Одевайся скорей.

Сынок быстренько ушёл в свою комнату, снял пижаму и шортики, надев свою одежду: худи, красивые джинсики, и вышел. Отец им налюбоваться не мог — такой красивый мальчик. Отец, быстренько застегнув военный жилет и надев каску, сказал:

— Ты помнишь, что сейчас в Курске творится? Нужно быть начеку, как вдруг...

Опять был благовест храма, зовущий, а порой и гипнотически манящий на литургию. Кирилл Сергеевич тогда не знал, что это для них может стать самой последней литургией в их жизни. И больше может и не быть. Но Кирилл старался не думать об этих мыслях. Чтобы немного приободрить сына и поднять ему настроение, спросил ласково:

— Ну что, сынок? Готов к бою? Готов на службу?

Сын улыбнулся:

— А кто ж не готов, пап? Я всегда готов!

— Знаю, сын мой, знаю, — сказал Кирилл Сергеевич.

— Слушай, пап, расскажи мне про молитву «Отче наш».

Кирилл задумался:

— И что же ты хочешь узнать из молитвы «Отче наш»?

— Вот расскажи мне про то, что ты у Бога просишь. Всё время слышу твои слова: «Да будет воля Твоя на земле, как на небе».

И Кирилл задумался: как объяснить десятилетнему ребёнку эти слова? Попросив у Бога мысли благих, они ему пришли. Он начал:

— Слушай, сынок...

Как вдруг опять третий раз начался благовест. Отец сказал:

— Слушай, сын, давай тебе после службы расскажу, ладно?

Сын немного нахмурился:

— Ну пап, пожалуйста...

Тут Кирилл, надев серьёзное лицо, твёрдо сказал:

— Если я сказал «после службы», значит, после службы, сын.

Ладно. Они потихоньку направились к выходу. Выйдя, нужно было пройти через небольшой парк, ведущий к храму. Их дом как раз находился рядом со входом в парк. Быстренько дойдя до красивых белокаменных врат, они вошли в парк. Это была огромная территория, окружённая аллеями, флорой, садами, деревьями самыми разными и всякими красотами неземными. Как раз в центре красовалась небольшая часовня, где служил отец Николай и диакон отец Иларион — самый доброй души человек, чистый и добрый.

Быстренько дойдя до храма, они стали в уголок к иконам преподобномученика архидиакона Стефана.

Кирилл молился вдумчиво, как привык с юности, — не

спеша, не разбрасываясь словами, а будто выкладывая каждое слово перед Богом, как кладут монету на церковную свечу. Он стоял у иконы преподобномученика архидиакона Стефана, и лицо первого мученика смотрело на него с доски строго и вместе с тем милостиво. «Господи, — думал Кирилл, — Ты знаешь, что я не прошу многого. Не прошу мира во всём мире, не прошу богатства. Прошу только, чтобы Тёма вырос. Прошу только, чтобы мы дожили до конца службы. Прошу только, чтобы Ты был рядом». И в этих словах было столько правды, что они казались не молитвой, а дыханием.

Сын всё время ходил по храму. То подходил к свечкам — рассматривал, как воск оплывает на подсвечнике, и ему казалось, что воск этот похож на маленькие водопады. То подходил к церковной лавке, где за стеклом лежали крестики, кольца, иконки, книги в кожаных переплётах, и всё спрашивал, что там продаётся. Ему всё время показывали пальцем на карту, висевшую на стене, намекая, что надо вести себя тише, и мальчик замолкал. Но ненадолго. В нём была та детская живость, которая не умеет долго стоять на месте, особенно когда вокруг столько всего интересного. Казалось, что сам он вникал в службу по-своему, по-детски: не в слова, а в запахи, в свет, в тени, в лица людей. И когда во время Херувимской батюшка с дарами выходил к Царским вратам и говорил слова, будто само сердце тянулось к Кириллу Сергеевичу. Он опускал голову, и в груди у него становилось тесно

и светло одновременно.

И в этот миг всем существом своим Кирилл понял, что сейчас с ними случится что-то непоправимое. Не умом понял — умом он бы не поверил, — а тем внутренним чувством, которое древние называли «сердечным слухом». Как будто кто-то очень тихий и очень печальный шепнул ему на ухо: «Запомни этот миг. Запомни этот свет. Больше такого не будет». Кирилл вздрогнул и оглянулся. Но вокруг были только свечи, только лица, только батюшка с чашей.

А потом в храм ворвались враги с Украины…….

Глава вторая. Беда в храме

Они были вооружены. Автоматы висели у них на плечах так буднично, как вешают сумки или инструменты. Не побоялись ни батюшки, ни прихожан. Батюшка не обратил на них никакого внимания — он как раз выносил чашу, и в его руках было то, что страшнее любого оружия. Они кричали, чтобы все ложились. Многие легли. Кто-то вскрикнул, кто-то упал на колени, кто-то закрыл лицо руками. Кирилл не сразу понял, что происходит. У него всё перехватило — не страх даже, а ледяное, животное оцепенение. Он стал искать своего сына. Он стал искать Артёма, и время растянулось, как резина. Он видел лица, спины, руки, поднятые вверх, он видел пол, усыпанный бумажными цветами, — и нигде не было его мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.